

Она убегала, из-за слёз, застилавших ей взор, не замечая проносящиеся мимо пустые коридоры замка. А ведь ещё недавно она была столь счастлива тем, что смогла оказаться в этих стенах раньше положенного срока! Прошедшая неделя стала лучшей в её жизни: новые друзья и подруги, красивая новая одежда, новое окружение, масса новых впечатлений и, что важнее всего — принятие. Происходящее казалось ей ставшим явью чудесным сном, мимолётной мечтой. Всё это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, слишком хорошо, чтобы этот сон длился долго. И гром грянул; этот счастливый сон, словно хрупкое зеркало, в мгновение ока разбился на тысячи осколков, ранящих её прямо в самое сердце. За мгновение вся её жизнь оказалась разбита вдребезги и утратила смысл. Даже не прилагая усилий, её друзья отняли у неё всё, что ей было дорого. Теперь, потеряв цель своей жизни, свою мечту, всё, что она могла — забиться в нишу в каком-то мрачном коридоре и забиться в слезах, желая исчезнуть из этого мира.

Она не знала, сколько просидела в этой полутёмной нише — может, минуту, может, час, может, целую неделю. Сжатая тисками своего горя, она не ощущала ни течения времени, ни происходящего вокруг неё.

Но внезапно всё изменилось.

— Джинни? — голос Эппл Блум прорвался сквозь завесу сковавшего её разум беспросветного отчаяния. — Джинни, мы пришли за тобой. Что бы ни случилось, ты не одна, мы встретим эту проблему вместе с тобой.

Жалобно всхлипнув, Джинни разлепила глаза и сфокусировалась на источнике голоса, ощутив смесь благодарности и ужаса от присутствия подруг той, кто украла её мечту, её сказочный сон. Но прежде чем она успела воспротивиться или запротестовать, она оказалась сжата в горячих дружеских объятиях.

— Мы твои друзья, Джинни, — твёрдо заверила её Эппл Блум. — И все проблемы и беды мы преодолеем вместе.

— Ага, — услышала Джинни Скуталу, одновременно почувствовав ещё одну пару обнявших её рук, — мы во всё встречаем вместе.

— Парвати и я тоже здесь ради тебя, — произнесла Лаванда, присоединяясь к групповым обнимашкам. — Я знаю, ты говорила, что твоё сердце принадлежит Гарри, но ты не должна из-за этого унывать.

— А что сделал Гарри? — спросила Эппл Блум, даже и не догадывавшаяся о драме, развернувшейся за столом Гриффиндора немного ранее, пока земнопонька была целиком и полностью сосредоточена на своём завтраке.

— Похоже, он заключил брачный договор со Свити Белль, — пояснила Парвати, — и этим разбил мечту Джинни.

— Да какие проблемы? — Скуталу ободряюще похлопала Джинни по спине. — Уверена, Свити будет совсем не против включить тебя в наш договор о табунчике.

— ЧЕГО????!!! — ошарашенно выпалили Лаванда, Парвати и Джинни в один голос, выпученными глазами уставившись на Скуталу.

В то утро Гриффиндор потерял пятьдесят баллов за отсутствие пятерых учеников на уроке гербологии без уважительной причины. Это было приемлемым наказанием для всех в этом замешанных — тем более после того, как их наградили сразу шестьюдесятью баллами за верность.

Свити Белль с насторожённой осматривала заполненный людьми зал. К счастью, мистер Уизли подошёл к ней и помог слезть с Махи, которая теперь стояла рядом со Свити, внимательно смотря на собравшихся в зале. В ответ те безмолвно таращились на превращённую единорожку, причём выражения неверия и шока превалировали на лицах большинства из них.

Наконец, собрав в копыто всю свою решимость, Свити помахала собравшимся рукой.

— Здравсьте, — поприветствовала она их.

Филомина поддержала её приветствие мелодичной трелью, а Маха игриво топнула передним копытом. Примерно две трети людей нерешительно помахали Свити в ответ, а кое-где из толпы вслед за ними раздались робкие приветствия.

Свити решила попробовать ещё раз:

— Надеюсь, сегодня у вас у всех всё в порядке?

Люди едва ли не как один кивнули, обозначая, что у них сегодня всё нормально. Со стороны это смотрелось довольно забавно: несколько сотен взрослых волшебников и ведьм испугались маленькой девочки, стоящей посреди зала заседаний.

Внезапно всеобщее внимание привлёк стук дерева по дереву, и все обернулись к стоявшему за своей трибуной Альбусу Дамблдору, буквально лучащемуся аурой могущества и власти, как и положено Верховному чародею.

— Всем доброе утро. — Он замолчал, дожидаясь, пока все, кто ещё этого не сделал, обратят на него внимание. — Как Верховный чародей, я провозглашаю это заседание Визенгамота открытым.

Его объявление запустило по залу волну шепотков и шуршаний, пока все присутствующие устраивались на своих местах поудобнее, готовясь стать свидетелями этого явно необычного зрелища.

— Первым делом, я должен сообщить вам, что на этот раз буду вынужден изменить обычный порядок проведения регулярных заседаний Визенгамота и отложить обсуждение запланированных на сегодня вопросов по причине куда более важного события, — продолжил Дамблдор, откладывая судейский молоток на трибуну перед собой. — Вместо этого мы начнём с исполнения древнего закона и назначения на должность члена Визенгамота попадающую под действие этого закона юную одарённую. Полагаю, как вам всем известно, Избранные фениксом индивидуумы, как только об этом становится известно, в кратчайшие сроки награждаются должностью советника Визенгамота. По сути, этот закон предшествовал основанию Министерства и способствовал его формированию. — Старый чародей взял драматическую паузу, тогда как взгляды всех здесь присутствующих вновь скрестились на маленькой девочке с розовыми и лиловыми кудряшками с сидящим на её плече фениксом. — С превеликой гордостью хочу вам представить мисс Свити Белль, которая, как мы все видим, заявляет свои права на привилегии, предоставляемые упомянутым мною законом.

Зал взорвался аплодисментами, воздух наполнился громкими криками радости в поддержку юной Избранной. Моментально позабыв о боязни сцены, Свити Белль улыбнулась и выпрямилась, тогда как Филомина на её плече широко распахнула крылья, греясь в лучах всеобщего восхищения, и блеск её перьев обрамил голову Свити золотом и багрянцем. Чувствуя поддержку, Свити Белль, сама не зная почему, стала махать присутствующим в зале людям.

Дамблдор позволил бушевавшей в зале буре эмоций продлиться около минуты, после чего постучал по трибуне своим молотком.

— К порядку. К порядку, — призвал директор, не повышая голоса, но при этом с лёгкостью накрывая голосом помещение, так что порядок быстро был восстановлен. — Теперь же настало время выслушать аргументы против немедленного применения к юной Избранной фениксом древнего закона, — произнёс Дамблдор, оборачиваясь к членам Визенгамота. — Есть ли среди присутствующих кто-либо, кто выступит против данного решения?

Тут же со своего места поднялся высокий худой мужчина с бледными блондинистыми волосами, зализанными назад и заплетёнными на затылке в короткую узкую косичку.

— Да, мистер Якли? — вежливо обратился к нему Дамблдор, привлекая внимание аудитории.

Якли смерил Свити Белль, стоящую посреди зала заседаний вместе с мистером Уизли и её компаньонами-питомцами, презрительным высокомерным взглядом.

— Это дитя слишком юно для подобной высокой чести, — процедил он сквозь зубы. — Она не готова занять место среди нас.

— Яксли, болван, — отозвалась со своего места мадам Лонгботтом. — В законе ничего не сказано о возрасте, к тому же, она уже назначила своего представителя. Твой аргумент не стоит даже воздуха, который ты сотрясал своими бездумными словами.

Оскорблённый тем, что его так грубо прервали, а также откровенно враждебными взглядами большинства членов совета, Яксли, набычившись, безмолвно сел обратно.

Дамблдор наблюдал за этой перепалкой с едва заметной довольной усмешкой на губах.

— Понятно, — сказал он, когда Яксли сел. — У кого-либо ещё есть убедительные аргументы против этого решения? — и, видя, что больше никто не спешит высказаться против, продолжил: — Есть ли среди присутствующих кто-либо, кто хочет высказаться в поддержку данного решения?

Тут же члены Взенгамота в едином порыве стали вскакивать со своих мест, спеша раньше других высказаться в поддержку новой Избранной, чтобы привлечь её внимание.

Хитрые глаза за очками-половинками от этого зрелища довольно поблескивали.

Сидя в подсобке своего магазина, Гаррик Олливандер накладывал причудливую вязь рун на своё новейшее творение. Перед ним лежала палочка из осины около восемнадцати с половиной дюймов¹, очередной шедевр на его пути к совершенству.

Внезапно до его слуха донёсся мелодичный звон дверного колокольчика, известившего старого мастера о прибытии посетителя, охранные чары сообщили о том же парой мгновений ранее. Слегка раздражённый тем, что был вынужден бросить близкую к завершению работу, он привычно надел свою приветливую улыбку и направился в основное помещение магазина, чтобы встретить своего клиента.

От вида посетителя у Олливандер невольно перехватило дыхание. Перед ним стояла самая шикарная и красивая женщина из виденных Гарриком в его долгой жизни. Одета в изысканное, богато украшенное белое платье, она стояла рядом с привлекательным мужчиной в эффектном коричневом деловом костюме. Быстро глянув на её ауру, Гаррик не увидел ни одного признака принадлежности к вейлам, но внезапно догадался, что буквально недавно

видел дочь этой женщины. В конце концов, фиолетовые волосы вряд ли можно отнести к тому цвету, что часто встречается среди людей — даже у волшебников.

Кивнув своим мыслям, Гаррик обозначил своё присутствие, выйдя из тени.

— Доброе утро, миссис Белль, — сказал он в своей обычной эксцентричной манере. — Чем я могу помочь вам сим прекрасным утром?

Посетительница слегка вздрогнула из-за его внезапного появления, хотя сопровождающий её мужчина даже не шелохнулся, не выказывая ни малейшего признака удивления.

— Здравствуйте, дорогуша, — она улыбнулась обезоруживающей, способной сразить наповал блестящей улыбкой. — Полагаю, мне понадобится палочка. И ещё, попрошу: мисс Белль.

Следующие минут сорок члены Визенгамота фонтанировали доводами за включение новой Избранной в их состав. Более того, они не раз напоминали, что она не просто Избранная фениксом, а Избранная фениксом с верным ей единорогом, даже позволившим девочке кататься у него на спине. Особо выделился Министр Магии, который всячески пытался подчеркнуть важность этого события и радость оттого, что именно при его правлении появилась ведьма, что уже в столь юном возрасте стала Избранной. Наконец, когда объявили голосование, все единогласно проголосовали за назначение Свити в Визенгамот, потому как даже Яксли не решился пойти против общественного мнения.

Стоящий на трибуне Дамблдор, став свидетелем столь значительных перемен на политической арене, сиял ярче начищенного сикля. Даже не подозревая об этом, Свити Белль уже кардинально изменила путь и судьбу Магической Британии. Теперь всё, что ему оставалось — вернуть себе утраченный контроль над Гарри Поттером, и после этого Альбус сможет быть уверенным, что способен повести их в лучшее будущее.

Удовлетворённый тем, что награждение Избранной членством в Визенгамоте прошло даже лучше, чем он ожидал, Дамблдор вновь стукнул молотком, привлекая к себе внимание.

— Итак, раз выбранный тобою представитель занял место в Визенгамоте, — сказал директор, обращаясь к Свити Белль, — полагаю, тебе стоит вернуться к своим занятиям.

Свити тут же согласно кивнула. Устав от всех этих слащавых речей в её честь, единорожка уже давно хотела оказаться где-нибудь подальше отсюда — желательно, в обществе своих подруг.

— Вот и замечательно, — Дамблдор перевёл взгляд на сидящую у неё на плече огненную птицу. — Будь любезна, можешь вернуть мисс Белль и её единорога в Хогвартс?

Филомина выразила мелодичной трелью своё согласие, и со вспышкой пламени пространство в середине зала заседаний опустело.

Слегка покачнувшись после мгновенного перемещения, Свити Белль обнаружила себя стоящей посреди Большого зала. Не считая её самой, Филомины и Махи, он оказался пуст.

— И какой у меня сейчас должен быть урок? — со вздохом пробормотала единорожка.

В ответ феникс что-то успокаивающе проворковал, а Маха ласково потёрлась мордой о плечо девочки.

Столь яркий уход вызвал очередную бурю оваций, Дамблдор дождался, пока они смолкнут сами собой, и только потом продолжил заседание.

— Благодарю всех за столь горячую поддержку нашего нового члена совета, — сказал Альбус, — и на этой ноте позвольте мне перейти к решению мирских дел. Итак, объявляю возможность для всех желающих вынести на обсуждение интересующие вас проблемы.

— У меня есть дело, требующее рассмотрения Визенгамотом! — внезапно поднялась в задних рядах зрительских мест какая-то ведьма.

— Согласно обычаю, прошения подаются в Визенгамот перед заседанием и в письменной форме, чтобы избежать напрасной траты времени наших уважаемых членов совета, — поспешно ответила ей заместитель Министра, женщина по имени Амбридж, внешним видом чрезвычайно напоминавшая жабу.

— Обычай — ещё не закон, — отбрила слова Амбридж ведьма с волосами цвета воронова крыла.
— А по закону, когда трибуна свободна, любой имеет право обратиться к собранию, и я требую соблюдения этого права.

Дамблдор оказался заинтригован происходящим: одна из его бывших учениц решила устроить перед всеми присутствующими сцену. Он прекрасно знал, что молодая ведьма была права, хоть и мало кто знал об этом законе. И на его памяти впервые происходило, чтобы просители отваживались пойти против устоявшегося порядка и напрямую потребовать этого права.

— Что ж, — заявил Верховный чародей, обрывая открывшую было рот Амбридж. — Можете занять трибуну. Итак, какое же дело вас привело сегодня сюда?

Лицо начавшей спускаться женщины перечеркнула хищная улыбка, заставляя раздающиеся в зале разговоры смолкнуть, тогда как любопытство присутствующих, наоборот, лишь росло. Наконец, достигнув центра зала, женщина выпрямилась и заявила:

— Меня зовут Алиса Раттер. И сим я объявляю обряд «Iustitia est Infirma»².

Пока разговоры среди зрителей лишь усилились, в рядах Визенгамота наступила потрясённая тишина. Да откуда эта ведьма вообще узнала об этом обряде? Многие поколения совет предпринимал все возможные усилия, чтобы скрыть существование этого закона от обычных волшебников. А как они могли поступить иначе? Этот закон существовал, чтобы ограничить их власть, чтобы даже слабый маглорожденный волшебник мог призвать к ответу кого-либо из древнейшего и благороднейшего рода.

— Это неслыханно! — выкрикнул один из магов Визенгамота. — Этот обряд не объявлялся уже более двухсот лет!

— И тем не менее он был объявлен сегодня, — отбила Алиса, не моргнув и глазом.

— Я не собираюсь участвовать в этом цирке! — ярился тот же член совета, вскочив, дабы подчеркнуть свою точку зрения.

— Тогда сядь и заткнись, — приказала Алиса, — если только ты не хочешь прервать мой обряд в третий раз.

— Ты смеешь мне угрожать?! — взбесился член Визенгамота, у которого от наглости её заявления едва не пошла пена изо рта.

Даже не взглянув на взбешённого советника, Алиса обернулась к Дамблдору:

— Будьте добры запечатать зал заседаний, а также наказать нарушителя за трёхкратное прерывание обряда, как того требует закон.

Дамблдор с едва заметным беспокойством посмотрел на женщину перед ним.

— Мисс Раттер, я не вижу ни единой...

— Верховный чародей, — жёстко оборвала Альбуса женщина, — выполняйте свою работу. Запечатайте зал заседаний и накажите его по закону.

Захваченный врасплох её неожиданно резким заявлением, Дамблдор смерил стоящую перед ним женщину.

— Тогда я объявляю, что с сего момента зал запечатан обрядом «Iustitia est Infirma», — сказал он. — Отныне вся магия в зале заблокирована. Никто не сможет войти или выйти, пока вопрос не будет решён.

После удара его молотка по залу прошла волна магии. Там, где ранее находились двери, теперь оказались лишь ровные каменные стены. Все присутствующие ощутили на себе воздействие древней магии. Чем бы ни был этот обряд, он явно был чем-то серьёзным.

— Что ж, — Дамблдор уставился на Алису. — Начало обряда положено. Можете продолжать.

— Сначала наложите штраф, — настояла Алиса, кивнув в сторону всё ещё стоящего советника.

— Мистер Нотт, — обратился Альбус к стоящему человеку. — Согласно одному из древнейших законов, вы обязаны передать десять процентов всего вашего имущества мисс Раттер за то, что трижды предприняли попытку помешать её обряду «Iustitia est Infirma». Сядьте, пожалуйста.

— Да как она смеет!.. — начал Нотт.

— Вы хотите отдать мне двадцать процентов? — спросила Алиса; она, как и Дамблдор, ни разу не повышала голоса, однако все до единого присутствующие её прекрасно слышали.

В ярости взглянув исподлобья, Нотт резко перестал нести чушь и, зыркнув на женщину взглядом, обещавшим ей скорую смерть, сел на своё место. По рядам зрителей вновь побежали шепотки. Всё-таки оттяпать десять процентов состояния у благородной семьи — это немало, и это повлечёт за собой заметные изменения. И даже если эта женщина больше ничего сегодня своим выступлением не добьётся, одних лишь полученных ею денег вполне хватит, чтобы скрыться от своего новообретённого врага и довольно долго жить безбедно.

— В соответствии с данным обрядом, — властно заявила Алиса, стоя посреди зала, — я обвиняю Люциуса Малфоя в преднамеренном убийстве моего отца. Также он обвиняется в том, что изнасиловал мою мать, пытал их обоих и был соучастником в убийстве моей матери. Я требую возмездия!

В зале повисла оглушительная тишина, столь сильная, что даже падение иголки показалось бы сравнимым с выстрелом пушки. Целых десять секунд, показавшихся в этой тишине вечностью, никто не издавал ни звука. Затем Амбридж вскочила:

— Да как ты смеешь?! — завопила она. — Как ты смеешь обвинять столь уважаемого человека в подобных преступлениях?! Да будет тебе известно, что Министр снял с него все обвинения по причине пребывания господина Малфоя под заклатьем Империиуса! Немедленно извинись за свою дерзость!

— Я извинюсь лишь в том случае, если он поклянется, что не совершал эти преступления умышленно, — холодно ответила Алиса. — Обряд заставит его собственную магию судить его. Если он невиновен, то останется невредимым, и я с радостью принесу свои извинения. Если же он совершил их умышленно, но поклянется, что это не так, то заплатит не только своей жизнью, но и своей магией, и все дальнейшие претензии, которые у меня сегодня к нему имеются, автоматически будут считаться доказанными и не подлежащими сомнению.

— Да как ты смеешь?! — взвизгнула Амбридж, сузив от ярости глаза. — Ты знаешь, кто я такая?

— Да, — Алиса довольно ухмыльнулась, скрестив на груди руки. — Ты — та, кто уже дважды прервала мой обряд. Осмелишься сделать это в третий раз?

Какую-то секунду на лице Амбридж можно было отчётливо наблюдать борьбу жадности с гордостью, однако проигравшая в итоге гордость заставила жабоподобную женщину сесть на место. Пусть Люциус сам разбирается с этой нахальной выскочкой.

Дамблдор тихо ликовал, довольно наблюдая за разворачивающимся действием. Эта ситуация была именно той самой, для каких этот обряд и был разработан в первую очередь. Если бы только он ещё не был при этом пощёчиной всему Визенгамоту, буквально подрывая авторитет состоящих в нём участников.

— Мистер Малфой, — серьёзным тоном заявил Верховный чародей, — вы обвиняетесь в серьёзном преступлении. Что вы можете сказать в свою защиту?

Люциус негодовал. Он даже не помнил родителей этой наглой сучки, но похоже, что они были целью одного из налётов. Однако он не мог рисковать своей жизнью и магией из-за собственной неуверенности, что оставляет ему лишь один вариант.

— Мне очень прискорбно вновь оказаться под подозрениями за мои действия в те смутные времена, — начал он. — Однако я не стану обвинять мисс Раттер в клевете из-за её желания отыскать правду в произошедших тогда печальных событиях. И в качестве жеста доброй воли и желания, чтобы между нами не осталось недопонимания, я выплачу ей полагающуюся по

закону компенсацию, — и с этими словами Люциус занял своё место.

Весь кипя внутри от едва сдерживаемой ярости, Люциус размышлял о том, что положенная по закону компенсация будет вычисляться в процентах от его состояния, и этот процент будет не слишком большим, так что его потеря не будет совсем уж болезненной, но и не незаметной. Однако надо благодарить удачу, что он потеряет куда меньше, чем этот болван Нотт. И как только собрание закончится, он тут же переписет всё имущество на сына Драко, чтобы не допустить повторения ситуации, продемонстрированной этой вылезшей из какой-то подворотни сучкой.

Ничуть не удивлённый тем, как Малфой трусливо вывернулся, избежав прямого ответа, Дамблдор снова повернулся к Алисе:

— Полагаю, вы сможете получить возмездие, которого желали. Вы закончили обряд?

— Нет, — сказала Раттер и, не сводя очей с Люциуса, залезла рукой в сумку, висевшую в неё на боку, и достала из неё свиток. — Я только начала.

— Что ж, — удивлённо поднял бровь Дамблдор на её заявление, — продолжайте.

— Согласно древнему закону я требую право говорить от лица всех пострадавших от рук этого человека в подобных ситуациях, — формальным тоном зачитала Алиса. — В частности, я обвиняю Люциуса Малфоя в преднамеренном убийстве Джейкоба Смита.

— Я смотрю, у вас там целый список, — отметил Дамблдор. — Возможно, вам стоит зачитать его для всех целиком?

— Нет, — ответила Алиса. — Всё это — самостоятельные серьёзные обвинения. И у меня нет желания преуменьшать его ответственность за его прегрешения, сваливая их в одну кучу.

— Понятно, — смилостивился Дамблдор и вновь обратил внимание на Малфоя. — Вы в любой момент можете поклясться жизнью и магией в своей невиновности, тем самым опровергнув все выдвинутые против вас обвинения, — напомнил он главе дома Малфой.

Негромко напевая без слов себе под нос, Дилан наносил завершающие штрихи на последний заказ мисс Белль. Этот проект стоил больше, чем все её предыдущие заказы вместе взятые, и он был полон решимости сделать всё идеально, чтобы до последнего кната отработать его стоимость. И нет, его мотивировали отнюдь не слухи, раздуваемые «Ежедневным пророком». Его мотивировала профессиональная гордость и искренняя симпатия к девочке.

Аккуратно уменьшив заклинанием готовый продукт, он написал инструкцию и направился к клетке с совой.

Только благодаря слепой удаче Свити Белль умудрилась наткнуться на группу девочек-гриффиндорк, обнимающихся в тёмном алькове.

— О, Свити! — Лаванда махнула рукой, подзывая единорожку. — А ты чего не в классе?

— Я как раз хотела у вас то же самое спросить, — поспешила к ним Свити, всё ещё сопровождаемая Махой. — А то я только-только вернулась с этого до жути скучного Визенгамота.

— Джинни сильно расстроилась из-за этой ерунды с брачным договором, — пояснила Скуталу, указывая на самую младшую гриффиндорку. — Наша поддержка ей нужнее, чем наше присутствие в классе.

— Спорю, профессора считают иначе, — прокомментировала Парвати. — Нам стоит поспешить на следующий урок.

— Как там Джинни? — проигнорировала предупреждение Свити, которую куда больше заботило благополучие её новой подруги, чем какие-то там уроки в новой школе.

— Мне уже лучше, — всхлипнула рыжая. — Да и зря я на тебя разозлилась, ведь ты даже и не знала об этом договоре.

На последних словах голос Джинни надломился. Ситуация всё ещё причиняла ей немалую боль, но она решила не вешать всех собак на девочку, которая всеми силами старалась стать ей другом.

— Дамблдор сказал, что мне не стоит верить всему, что прочитаю, — попыталась успокоить

девчушку Свити, сжимая её в утешающих объятьях. — В смысле, каковы шансы того, что договор действительно есть? Ну, в смысле, об этом же только вчера в газете написали!

— Не забывай, тут недалече Дискорд бродит, — припомнила Эппл Блум.

— Точняк, лучше не будем подкидывать ему идей, — предложила Скуталу, вскакивая на ноги и кивая в сторону коридора. — Кстати, мы тут туалет пробежали по дороге сюда, так что идёмте умоемся и побежим на уроки. Не хочу потерять ещё больше баллов, чем в том инстуденте с зельями.

— Инциденте, — по привычке поправила её Свити Белль.

— Я так и сказала! — проворчала пегасёнка.

И хоть проблема всё ещё не была разрешена, ни один из них не считал, что им стоит продолжать на ней заикливаться. Потому что когда настанет время, они встретятся с этой проблемой лицом к лицу. Вместе.

— Люциус Малфой. — В голосе Дамблдора все без исключения ведьмы и волшебники, собравшиеся в зале заседаний Визенгамота, слышали неприкрытое отвращение и презрение. — Вы обвиняетесь в девятнадцати совершённых вами преднамеренных убийствах, а также в соучастии ещё сорока двум. И это не считая множества изнасилований и пыток. Есть ли у вас, что сказать в свою защиту?

Глава Дома Малфой продолжал сидеть, не реагируя на происходящее вокруг. Удача покинула его. Эта дементорова грязнокровка, морганов выкормыш бездны, уничтожила всю его репутацию своими требованиями возмездия, своими жалкими призывами к справедливости. Чтобы сохранить своё богатство, он должен поклясться, что принимал участие во всех этих преступлениях не по своему желанию, а по принуждению — то, что он никак не мог сделать. Как только он откроет рот, обряд тут же поймёт, что он лжёт. Он умрёт без своей магии. И тогда все обвинения тут же будут признаны справедливыми, и семья Малфой окажется на улице без кната в кармане.

Единственное, что достанется его наследнику — трастовый фонд. Он останется нетронутым, так как целиком и полностью создан на имя Драко. Люциус сделал достаточно для того, чтобы даже если произойдёт худшее, он мог быть спокоен, что его сыну до конца жизни не придётся работать. Он никогда не верил всерьёз, что худшее и вправду может произойти. К его

огромному шоку, оно случилось. Малфои теперь оказались на одном уровне с этими предателями крови, семейкой Уизли. Малфой-старший понимал, что после произошедшего всё, что он может сделать — собраться и мотать из Британии, надеясь на своих родственников во Франции, потому как вытерпеть подобный позор и продолжать с ним жить было невозможно.

Видя, что он, похоже, не дожждётся никакой реакции от Люциуса, Дамблдор вновь обернулся к Алисе:

— Сделанные вами сегодня обвинения весьма тревожны. Должен спросить: есть ли ещё кто-либо, кого вы хотите призвать к ответу?

— Есть, — кивнула Алиса, разворачивая свиток до следующего раздела. — Здесь у меня перечень взяток, что Малфой давал как Министру, так и другим должностным лицам. Эти сведения значительно подрывают доверие к Министерству и должны стать поводом немедленного разбирательства.

— Да как ты смеешь порочить честное имя Министра, обвиняя его во взяточничестве?! — вновь в ярости вскочила Амбридж, тыкая пальцем в сторону Алисы.

С нарочитым спокойствием Раттер кинула на ярящуюся женщину короткий взгляд.

— Это был третий раз, — ледяным тоном сказала она.

Когда девочки покинули уборную, в коридорах как раз показались старшеклассники, идущие на другие уроки. Как это бывает среди детей повсеместно, печали уже были забыты, и теперь у первоклашек-гриффиндорков преобладали радостные настроения от пережитых новых ощущений.

— Мышь! Мышь! Мышь! — внезапно раздались крики, когда меж ног учеников по полу заметалось что-то синее и размытое.

Испугавшись, Эппл Блум по привычке крепко встала на ноги и слегка хекнула, с лёгкостью принимая на себя дополнительный вес.

— Серьёзно? — проворчала земнопонька. — Все впятером?

— Вы тяжёлые! — возмутилась Свити со спины Эппл Блум.

— Здесь безопаснее, — пояснила Парвати.

— Осторожнее! — воскликнула Джинни. — Я чуть в потолок головой не влетела!

— Вы его видите? — спросила Лаванда, поудобнее хватаясь за Скуталу, при этом стараясь удержать вес Джинни.

— Дерьмо, эта хрень и правда кусается! — донёсся откуда-то из дальнего конца коридора крик какого-то парня.

— Похож, оно смылось, — успокаивающе заверила Лаванду Эппл.

Министр Фадж с ужасом наблюдал за тем, как рушится его карьера. Он уже и не помнил половины тех случаев, которые упомянула Алиса, однако сразу вспоминал все подробности, когда она коротко объясняла, для чего были те взятки. И он не мог ложно заявлять о своей невинности, пока древняя магия наполняла комнату.

Похоже, ему придётся ужом вертеться и дёргать за множество ниточек, чтобы не потерять работу, как только этот чёртов обряд завершится. Люциус не опроверг ни одного обвинения в убийстве, а публика прекрасно помнила, как Фадж неоднократно называл его надёжным, заслуживающим доверия советником. И теперь практически невозможно будет откреститься от этого человека. Практически невозможно будет сохранить хоть какое-то уважение среди волшебников. Практически невозможно избежать огромных штрафов за то, что брал взятки. И что самое худшее, нет никакой гарантии, что он не проведёт какое-то время в Азкабана.

Да где эта выскочка только нарыла такую информацию? Её список был слишком подробен, слишком точен. Утро ещё не закончилось, а Фадж уже знал, что сегодня — его последний день на посту Министра.

Со своей трибуны Дамблдор наблюдал за тем, как его политический оппонент лишается остатков власти. Без своих денег Малфой будет нейтрализован и станет безвреден. Учитывая выдвинутые против него обвинения перед всем Визенгамотом, Малфой будет вынужден немедленно покинуть их состав. И вполне возможно, что после этого будет возобновлено следствие по делу Пожирателей Смерти, которые избежали Азкабана, прикрываясь тем, что находились под Империиусом.

Правда, придётся провести некоторые осторожные переговоры, чтобы помочь тем, кто должен остаться на свободе, чтобы получить влияние на их семьи. В конце концов, нельзя позволить целым родам волшебников кануть в Лету из-за ошибок, совершённых отдельными их представителями. Они заслуживают шанса на прощение, дабы искупить свою вину и жить лучшей, более праведной жизнью.

Тем не менее, устроить подобное теперь, после того как Малфой перестал быть крупной фигурой, станет куда проще. Утро ещё не закончилось, однако уже было ясно, что это заседание запомнится на многие поколения.

Алиса стояла посреди зала заседаний, спокойно и невозмутимо зачитывая свиток, что предоставил ей тот странный незнакомец. Она пока только начала, однако уже сбросила Малфоя с его пьедестала и втоптала в грязь, как он того и заслуживал. Справедливость всё же восторжествовала.

Нет, она не была плохим человеком. Она никогда не хотела вредить другим. Она могла бы уверить себя, что делала это лишь для того, чтобы Малфой больше никому не навредил в будущем, и в этом была толика правды. Однако она не могла лгать, особенно самой себе: она делала это ради отца, ради матери, ради себя. Ради возмездия. И наконец после всех этих лет она добились так желаемой расплаты.

Так почему вместо радости она ощущает лишь пустоту?..

Примечание:

¹ 18.5 дюймов = 47 см

² Примерный перевод с латыни — «Правосудие слабого».

<http://tl.rulate.ru/book/28591/704407>